

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ГРОЗНЫЙ ВЕК

К 100-летию начала Мировых войн

Ещё в 1871 году, в год поражения Франции во Франко-прусской войне, осады Парижа немецкими, а затем версальскими войсками, после кровавого расстрела Парижской Коммуны и подавления революции во Франции, в этот страшный и кровавый год замечательный русский поэт Николай Алексеевич Некрасов написал пророческие строки:

*Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня.*

*Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет простых и чистых звуков,
Нет любви, свободы, тишины...*

Предсказание его оказалось до ужаса точным. Именно сыновьям и внукам тех людей, что жили в семидесятые годы века XIX-го, придётся испытать и пережить все муки и страдания величайшей “мировой бойни”, как назовут это историческое событие современники, – все трагические перипетии Первой мировой войны века XX-го.

Сейчас, оглядываясь на минувшее столетие, со всей очевидностью осознаёшь, что это был грозный век мировых войн. Причина конфликтов была порождена политическими, экономическими и социальными изъянами в развитии человеческого общества.

К началу XX века европейская цивилизация покорила весь мир. Достаточно взглянуть на политическую карту того времени, чтобы увидеть, что небольшие территориально страны Европы – Великобритания, Франция, Германия, Италия, даже совсем маленькие Бельгия и Нидерланды поделили между собой почти весь мир. Колониальная империя Великобритании охватывала Канаду, Индию, Бирму, Австралию, Новую Зеландию, обширные владения в Южной Африке, Судан и множество других небольших стран и островов во всех частях света. Не отставала от неё и Французская республика, которая, несмотря на свою демократическую конституцию, что называется, “огнём и мечом” присоединила к себе почти всю Северную и Западную Африку,

а также страны Индокитая, имела владения в Южной Америке и других частях света. Сравнительно недавно образовавшееся государство Италия успело захватить Ливию, Эритрею и Сомали в Африке, а крошечная Бельгия приобрела огромную территорию в Центральной Африке – Конго, Голландское королевство (Нидерланды) давно уже владело богатейшей Индонезией. Германская империя, сложившаяся после победы над Францией под железным шлемом Бисмарка, также рвалась к колониальным захватам и сумела овладеть Намибией, Танганьикой и Камеруном в Африке, а также рядом других территорий на этом континенте, островами в Океании, имела владения в Китае. Но Германия чувствовала себя обделённой в ходе колониального раздела мира и претендовала на английские территории в Африке. Лишь Австро-Венгерская империя или, как её именовали тогда, “лоскутная монархия” из-за обилия захваченных ею славянских земель и краин, не имела владений за океаном, но страстно желала их получить.

Не имела заокеанских земель и Россия, складываясь как территориально цельное государство от Балтики до Тихого океана с преимущественно русским населением, расселившимся по огромным её просторам (население Белоруссии и Украины в то время в абсолютном большинстве своём предпочитало называть себя русскими). Лишь только среднеазиатские ханства (Бухарское и Хивинское) условно можно было назвать полуколониальными территориями России, но фактически эти государства имели автономию во всех своих внутренних делах, также как и Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи в силу того, что трон великого князя финляндского традиционно занимал император всероссийский.

Сложнее был вопрос с Польшей. Эта страна была фактически расчленена между тремя европейскими монархиями – Германской империей, Австро-Венгрией и Россией, причём России принадлежала лишь центральная часть польских земель вместе с Варшавой и Лодзью. Эта территория имела статус отдельного административного образования, так называемого Царства Польского, имевшего также большую внутреннюю автономию.

Россия к 1914 году, владея огромными континентальными территориями (во многом ещё не освоенными в Сибири и на Дальнем Востоке), не стремилась к новым территориальным захватам и не была инициатором начала войны за передел мира, тем более Европы, а вот Франция спала и видела возврат Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых Германией после победы над Францией в злосчастном 1871 году. Германия же, в свою очередь, желала присоединить к своим владениям Бельгию, а в перспективе и Голландию, и территории Франции у пролива Па-де-Кале, чтобы контролировать этот важный пролив между Англией и континентом. Да и вообще Германия стремилась окончательно поставить Францию на колени как главного своего соперника на континенте, понимая, что Франция никогда не смирится с потерей своих восточных провинций. Так события 1871 года определили неизбежный конфликт двух крупнейших европейских держав, приведший к большой войне.

Чтобы выжить и победить в противостоянии с Германией, Франции нужны были союзники, как на Западе, так и на Востоке. Ей удалось заключить тактический союз с Великобританией, которая опасалась за свои колонии, видя нарастание военной мощи Германии. Естественным же союзником России давно уже (на протяжении полутора веков – после окончания Семилетней войны в 60-е годы XVIII века) была Германия. После раздела Польши между Австрийской монархией, Россией и Германией (тогда ещё Прусским королевством) Россия имела протяжённую общую границу с Германией, позволявшую без помех развивать взаимовыгодную торговлю. И надо сказать, к 1914 году Германия была самым крупным торговым партнёром России, что приносило обеим странам огромную выгоду. В Германию шёл российский хлеб и древесина, а в обмен Германия поставляла нам новейшие промышленные изделия и технологии. Можно вспомнить, что железные дороги России строили в основном немецкие инженеры.

У России не было территориальных споров с Германией, а представители русского монархического семейства ещё со времён Екатерины II были в родстве с членами германской династии (так, император России Николай II приходился двоюродным братом германскому императору Вильгельму II и породственному называл его “кузеном Вилли”). На протяжении полутора веков Германия занимала союзническую позицию по отношению к России. Даже

Наполеон I, покорив Пруссию в начале XIX века и принудив Берлин участвовать в агрессии против России, не смог заставить немецкие войска идти на Москву вместе со своей Великой армией (в отличие от “братьев-славян” — поляков, составлявших едва ли не четверть этой многоязычной армии). После разгрома Наполеона Прусское королевство немедленно вновь вступило в союзнические отношения с Россией, и немецкие войска воевали вместе с русскими и австрийцами и вместе вошли в Париж в 1814 году. В России был очень популярен немецкий полководец Блюхер, разгромивший Наполеона при Ватерлоо, некоторые русские семейства даже меняли свою фамилию на фамилию Блюхер, как это случилось с предками нашего знаменитого полководца времён гражданской войны маршала Блюхера.

Во время Крымской войны, несчастливой для России, когда английская и французская армии захватили Севастополь, а английский флот на Чёрном и Азовском морях обстреливал российские города, на Белом море пытался уничтожить Соловецкий монастырь, на Балтике стоял у Кронштадта, на Тихом океане атаковал Петропавловск-Камчатский, — в это время Германия (Пруссия) придерживалась нейтралитета, что спасло Россию от тяжёлого поражения. Во время Русско-японской войны, когда Англия, Франция и США занимали крайне враждебную позицию по отношению к России и дружескую — к Японии, Германия была единственной страной, помогавшей России, даже предоставившей военно-транспортные суда в помощь русской Тихоокеанской эскадре адмирала Рожественского.

Можно ещё много рассказывать о плодотворных взаимоотношениях России и Германии, вспомнить о тысячах немецких переселенцев в пустынные районы Заволжья и Северного Кавказа, устраивавших там образцовое сельское хозяйство, но ясно одно: причины войны Германии и России, разразившейся 1 августа 1914 года, были совершенно не ясны русскому обществу и, прежде всего, — простому народу. Если “высоколобые” представители нашей интеллигенции и истеблишмента (большей частью франколюбы и англоманы) ещё рассуждали о воинствующем пангерманизме, о “дранг нах остен”, которому надо дать отпор, о кресте над Святой Софией в Константинополе (Турция была союзницей Германии), о черноморских проливах, которые обязательно надо отвоевать, то простому народу России все эти рассуждения были совершенно непонятны, и зачем нужно было идти и погибать в борьбе с “германцем” в лесах Восточной Пруссии и на “галицийских кровавых полях” — этого официальная российская пропаганда толком объяснить народу не могла.

Величайший русский патриот, государственный Пётр Аркадьевич Столыпин, знавший, что России не нужны “великие потрясения”, был откровенным противником войны с Германией и не скрывал своих взглядов. Вот что он писал в письме к российскому послу в Париже А. П. Извольскому 28 июля 1911 года: “Вы знакомы с моей точкой зрения. Нам необходим мир; война в следующем году, **особенно во имя целей, непонятных народу** (выделено мной. — С. З.), станет фатальной для России и для династии. Напротив, каждый мирный год укрепляет Россию не только как военно-морской, но и с экономической, и с финансовой точек зрения. Помимо того, и это ещё важнее, Россия растёт из года в год, в нашей стране развивается самосознание и общественное мнение”. Очевидно, что Столыпин прекрасно осознавал, что война с Германией не только разрушит Россию и приведёт к гибели династии, но надолго прервёт те благотворные процессы развития общественных институтов, что должны были вывести Россию в ряд ведущих цивилизованных держав мира.

Я думаю, это прекрасно осознавали и тайные враги России, стремившиеся вовлечь её в “фатальную” войну. Враги эти скрывались не только за пределами России, они были и среди правящей российской коррумпированной элиты, тесно связанной паутиной огромных финансовых долгов с ростовщическим французским капиталом. Вот почему премьер-министр России Пётр Аркадьевич Столыпин был смертельно ранен в Киеве 1 сентября (по старому стилю) 1912 года вовсе не злокозненным революционером, а тайным агентом охранного отделения Дмитрием Богровым. Ранен выстрелом из браунинга в киевском театре, где находилась в это время сама царская чета и куда Богров получил пропуск, выданный ему начальником киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко. Интересно, что Богров имел возможность убить и самого императора, в этот момент находившегося рядом в ложе, но даже не попы-

тался предпринять такую попытку, что ясно говорит о том, какие силы направляли его руку и с какой целью.

С убийства Столыпина началась череда политических убийств тех государственных деятелей, чей голос против войны был особенно весом и кто мог бы воспрепятствовать развязыванию мировой бойни. Начали со Столыпина — ведь война могла разразиться ещё в 1912 году. Именно в сентябре 1912 года, сразу после киевского убийства вспыхнула первая Балканская война союза славянских стран Балканского полуострова (Сербии, Болгарии, Черногории, а также Греции) против Османской империи (союзницы Германии). Балканских славян поддерживала Россия. Война оказалась скоротечной, быстрая победа славян над Турцией ошеломила Германию, а ещё больше — Австро-Венгрию и сорвала планы по втягиванию стран Центрального блока (Германии, Австро-Венгрии) в противостояние. Но кризис в отношениях Сербии и Австро-Венгрии стал с тех пор непреходящим.

Камнем преткновения здесь была Босния и Герцеговина, аннексированная Австро-Венгрией в 1908 году, населённая преимущественно сербами. Не случайно те, кто направлял руку сербского террориста Гаврилы Принципа против наследника Австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в июне 1914 года, избрали местом покушения именно Сараево — столицу Боснии и Герцеговины, самое большое место! Это случилось 28 июня (далее все даты даются по новому стилю). К открытой машине, в которой ехал Франц Фердинанд с супругой, подбежал молодой человек и несколькими выстрелами из браунинга убил высокопоставленную чету. Как предполагают, сербская террористическая организация “Чёрная рука”, к которой принадлежал убийца Гаврило Принцип, финансировалась и направлялась французской внешней разведкой. К лету 1914 года, когда стала очевидна неизбежность начала войны между Францией и Германией за Эльзас и Лотарингию, Франции было жизненно необходимо втянуть в эту войну Россию, чтобы обеспечить второй фронт против Германии на востоке. Втянуть же Россию в совершенно невыгодную ей войну с Германией можно было, только рассорив её с Австро-Венгрией, заставив Россию вступить за Сербию, на которую, несомненно, должна была ополчиться Австрийская монархия после убийства сербами наследника австрийского престола. Ну, а уже в силу союзнических обязательств на помощь Австро-Венгрии должна была подняться Германия. Как тут всё было тонко рассчитано! Одно колёсико тянуло за собой другое. Франция давно стравливала Австро-Венгрию и Россию. Ещё осенью 1912 года (когда, как я уже отмечал, могла разразиться мировая война) правительство Франции выступило с неожиданным заявлением: “Отныне Франция признаёт, что австрийские территориальные амбиции затрагивают общий баланс сил в Европе и, следовательно, интересы самой Франции”. Казалось бы: какие интересы Франции могла затронуть Австро-Венгрия, ведь у этих стран даже не было общей границы?.. Но Франция просто наталкивала Россию на Австро-Венгрию, навязывая себя в союзники России, рассчитывая, что война с Австро-Венгрией столкнёт Россию с Германией. И если такая тактика не удалась в 1912 году, то она вполне удалась Франции через два года — жарким летом 1914 года.

Необходимо добавить к этому, что Франц Фердинанд был незаурядным политиком и человеком. Широко образованный, эрудированный, он совершил кругосветное путешествие и написал об этом книгу. Был женат на славянке — чешской графине Софии Хотек (она погибла вместе с мужем от рук террориста) и потому лояльно относился к славянскому населению Австрийской империи, был сторонником так называемого “триализма” — политической доктрины, предусматривающей превращение Австро-Венгрии в Австро-Венгро-Славию — равноправный союз трёх народов, её населяющих: австрийцев, венгров и славян. Эти планы вызывали против эрцгерцога крайнее озлобление в консервативной среде как австрийской, так и венгерской элиты. **Но убили Франца Фердинанда именно тогда, когда нужно было развязать большую войну**, ведь наследник австрийского престола был, как и премьер-министр России Пётр Столыпин, решительным противником войны Австро-Венгрии с Россией и Сербией и скептически относился к союзу с Германией. Престарелый же австрийский император Франц Иосиф был к тому времени мало дееспособен и, по сути, стал игрушкой в руках антирусски и антисербски настроенной австрийской военной верхушки.

Однако и во Франции были силы, которые вовсе не приветствовали готовящуюся войну. Ярким представителем такого пацифистского движения являлся известный политик, блистательный оратор и трибун Жан Жорес. Будучи главой социалистической партии и фракции социалистов в парламенте Французской республики, он добился в июне 1914 года отрицательного голосования по вопросу о военном бюджете. Видя, что угроза войны становится реальной, Жан Жорес в июле того же года призвал к общеевропейской рабочей забастовке, активно мешая правительствам европейских стран начать мировую войну. Ему угрожали, шовинисты открыто требовали его физического устранения, но он ничего не боялся, хотя сознавал (и говорил об этом), что его непременно убьют. Так и случилось: 31 июля 1914 года он был застрелен в парижском кафе неким субъектом, которого французский суд оправдал как «патриота». Но даже враги Жана Жореса признавали, что мировая война началась «на крови Жореса» (Р. Пуанкаре).

Если подумать, такие разные люди: монархист Столыпин, австрийский принц Франц Фердинанд, социалист Жорес, а к ним можно прибавить ещё несколько имён, активно боролись против войны. И все они были убиты. Значит, мировую войну готовили очень влиятельные силы, но, что характерно, мы до сих пор не знаем, кто же конкретно развязал её. Тайна эта, может быть, так никогда и не будет раскрыта. Однако одно имя можно назвать без колебаний — это президент Франции Раймон Пуанкаре. «Пуанкаре-война» — так называли его во Франции, и не случайно. Этот деятель сделал ставку на войну с Германией, для победы ему нужна была Россия как поставщик «пушечного мяса», кроме того, он хотел привязать царскую Россию к агрессивному курсу Франции. Он щедро давал России многомиллионные займы, рассчитывая на то, что царское правительство будет расплачиваться за эти займы жизнями русских солдат.

Однако к июлю 1914 года, уже после убийства наследника австрийского престола, сложилась неясная ситуация с отношением России к готовящейся войне. Царское правительство не решалось открыто выступить на стороне стран Антанты (военного союза Франции и Великобритании, куда в 1907 году вовлекли и Россию), нужен был ещё один толчок, чтобы втянуть «северного медведя» в войну с Германией. И Пуанкаре решается на откровенно провокационный шаг. Он лично в сопровождении премьер-министра Франции Вивьени и министра иностранных дел этой страны на новейшем линкоре «Франция», во главе целого отряда военных судов, 20 июля прибывает в Санкт-Петербург на встречу с царём. Такой демонстративный поход вооружённой до зубов французской эскадры по Балтийскому морю, мимо берегов Германии (да ещё, по сути, со всем правительством на борту!), конечно, заставил настояться германское руководство. Понятно же было, куда ветер дует! Ветер дул в сторону войны...

Германия готовилась к войне с Францией. Начальником её генерального штаба знаменитым Мольтке-младшим был разработан стратегический план разгрома Франции мощным ударом германских армий через Бельгию, но воевать с Россией Германия не собиралась. Да на войну на два фронта у неё просто не было сил. В германском штабе сидели опытные стратеги, они понимали, что война одновременно с Францией и Англией на западе и с Россией на востоке для Германии чревата неминуемым поражением. Но надо было знать вспыльчивый характер германского кайзера Вильгельма, чтобы рассчитывать на его неадекватную реакцию, если бы Россия, скажем, объявила мобилизацию (пусть даже частичную) в своих западных военных округах.

Что же могло вызвать такой шаг России? Объявление мобилизации в условиях столь напряжённой ситуации в Европе, сложившейся к концу июля, после убийства в Сараево, — это был прямой пролог к войне. И Россия не собиралась, разумеется, объявлять мобилизацию против Германии, даже после нажима Пуанкаре, но России вынудили вооружиться против Австро-Венгрии, когда Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии. Предъявление ультиматума последовало сразу же после окончания визита Пуанкаре в Петербург. Можно думать, хотя до сих пор всё это покрыто мраком неизвестности, что во время встреч Пуанкаре и Николая II была достигнута устная договорённость о совместных действиях против Германии и Австро-Венгрии. Если бы это было не так, то какой тогда был смысл в этой вооружённой «прогулке» на линкоре во главе броненосной эскадры почти всего французского кабинета министров в Россию? Крайне наивной в этом смысле является позиция А. Ф. Ке-

ренского, который писал: “Воспользовавшись парламентскими каникулами, президент Французской республики Раймон Пуанкаре и Вивиани, премьер-министр, и министр иностранных дел, нанесли официальный визит царю Николаю II, прибыв на французском линкоре...” И далее: “После трёх дней переговоров, банкетов и приёмов, которые прерывались поездками на регулярные летние манёвры гвардейских полков и частей Санкт-Петербургского военного округа, французские гости 10 июля (по старому стилю, по-новому – 23 июля. – Прим. авт.) вернулись на свой линкор и отплыли в Скандинавию. Чуть позже в тот же самый день Париж, Санкт-Петербург и Лондон получили уведомление, что австрийское правительство предъявило сербскому правительству ультиматум, условия которого требовалось выполнить в течение 48 часов”.

Заметьте, между убийством в Сараево (28 июня) и объявлением ультиматума прошёл почти месяц. Австро-Венгрия явно не торопилась объявлять войну Сербии и предъявила ультиматум лишь после того, как Раймон Пуанкаре – “Пуанкаре-война”! – прибыл на линкоре в Санкт-Петербург, после его встречи с российским императором, об обстоятельствах которой и о достигнутых тайных договорённостях, конечно, стало известно германской разведке, чья разветвлённая сеть существовала в России и агенты которой были и при царском дворе. Германскому руководству показалось, что медлить нечего, они решили действовать на опережение: был осуществлён нажим на австрийское правительство, Австрия предъявила ультиматум Сербии, и тайные рычаги и колёса войны пришли в движение.

Итак, после визита Пуанкаре в Петербург Германия решила на войну. Как Франции был нужен союзник против Германии, так и Германии был нужен союзник против России. Таким союзником для неё стала Австро-Венгрия. Необходимо было стравить Австро-Венгрию и Россию. Стравили. Разменной монетой оказалась несчастная Сербия. Австро-Венгрия, как я уже писал, вовсе не торопилась объявлять войну Сербии, понимая, что это вызовет ответную реакцию России. Воевать же с Россией для Австро-Венгрии (в которой половина населения составляли славяне) было подобно самоубийству, что и доказали последующие события. Но австрийский двор очень рассчитывал на Германию и, получив в конце июля поддержку от кайзера, он “храбро” ополчился на Сербию. Белграду был предъявлен жёсткий ультиматум, ущемлявший национальное достоинство этой страны.

От Сербии требовали разоружения армии, закрытия национальных сербских обществ, согласия со всеми территориальными приобретениями Австро-Венгрии и, среди прочего, – допуска австрийских следователей на территорию Сербии для проведения расследования и поиска убийцы эрцгерцога. Что удивительно, сербское руководство со всеми этими требованиями согласилось, кроме последнего пункта. Это странно: уж коли армию разоружить соглашались, то что говорить о каких-то следственных действиях?.. Но, видимо, именно это обстоятельство стало решающим – при проведении таких следственных действий, конечно, выявилась бы роль в убийстве эрцгерцога сербской террористической организации “Чёрная рука”, а ведь именно эта организация привела на сербский престол короля Петра Карагеоргиевича, когда в июне 1903 года в результате дворцового переворота был с чудовищной жестокостью убит прежний король Александр Обренович и его жена королева Драга. А они-то как раз были сторонниками союза с Австро-Венгрией. Тогда-то и началась непримиримая вражда Сербии и Австро-Венгрии.

Сербия отвергла последний пункт ультиматума и первые выстрелы мировой войны раздались на Дунае, когда 28 июля австрийские военные суда начали обстреливать Белград. Итак, Австро-Венгрия объявила войну Сербии. В ответ российский император объявил частичную мобилизацию в нескольких западных военных округах: эти действия были направлены против Австрийской монархии. Дальше развивается не совсем понятная история, похожая на качание маятника. Германия объявляет всеобщую мобилизацию. Сразу же, как бы в ответ на этот ход, император Николай II объявляет всеобщую мобилизацию, которую, кстати, от него требовали объявить и русские генералы генерального штаба. Но Николай колеблется и как только получает примирительную телеграмму от “брата Вилли”, тут же отменяет всеобщую мобилизацию, заменяя её частичной. Но... уже на следующий день – 1 августа 1914 года – в 7 часов вечера к российскому министру иностранных дел Сазонову входит германский посол и объявляет о начале войны... Вслед за Германией 6 августа войну Рос-

сии объявляет и союзница Германии Австро-Венгрия. Австрийский посол в кабине Сазонова зачитывает заявление австрийского правительства: “Ввиду того, что Россия объявила войну нашей союзнице – Германии...” – “Позвольте, – перебил его Сазонов, – не Россия объявила войну Германии, а наоборот, Германия объявила войну России”. – “Ах, господин министр! – восклицает австрийский посол, – войдите же в моё положение, мне так приказали!”

Интересно, что войну России Германия объявила раньше, чем самому главному своему врагу – Франции (3 августа). Это была победа французской интриги по вовлечению России в войну. Пуанкаре, может быть, надеялся, что силы Германии будут теперь брошены против России – на восток, а не против Франции – на запад. Если бы этот план осуществился, то Франция воевала бы с Германией чужими руками, а в решающей момент ударила бы с запада по германской территории, но тут французские политики допустили ошибку: Франция была главным врагом Германии, против неё кайзер сосредоточил 4/5 всех своих вооружённых сил, а против России было оставлено небольшое прикрытие, состоящее из одной армии и дивизий ландсвера (ополчения). В русском генеральном штабе об этом прекрасно знали, потому и к началу войны главным врагом считали не Германию, а Австро-Венгрию, и против неё на Западной Украине развёртывались, согласно принятому плану “А”, главные силы русских войск. Задача здесь была овладеть всей Галицией, выйти к Карпатам, перейти их, вторгнуться в Венгрию и принудить Австро-Венгрию к миру, разрыву союза с Германией, отказу от агрессии против славянских стран на Балканах. Германия же особо в расчёт не принималась в силу малочисленности немецких войск на востоке, но обстоятельства начавшейся войны сразу же изменили ситуацию.

Германия громила французозов и бельгийцев. Поскольку Бельгия отказалась пропустить германские войска сквозь свою территорию, то 4 августа была объявлена война и ей, и германская армия, осуществляя план Мольтке-младшего по прорыву через Бельгию правым флангом своих войск на Францию, вступила на её территорию. Надо отдать дань бельгийцам: они во главе со своим королём Альбертом сражались мужественно. Дорого стоил германцам захват сильной бельгийской крепости Льеж, а потом бельгийская армия отважно сражалась за Антверпен до осени 1914 года. Вообще, всей территорией Бельгии немцам так и не удалось овладеть до конца войны. Небольшой клочок свободной Бельгии её армия удерживала на крайнем западе у моря. Германская армия как бы разворачивалась на территории Бельгии с западного направления на южное – на Францию, нависая над Парижем с севера. В этом и состоял “план Шлиффена” – германского генерала, который мучительно думал, как же Германии воевать на два фронта – на западе и на востоке одновременно, – и единственный выход видел в решающем “охватывающем” ударе по Франции и в переброске войск на восток, на русский фронт.

Война разрасталась. После нападения на Бельгию войну Германии объявила Великобритания и направила свою армию на континент. И основными театрами военных действий к концу лета 1914 года стали Северная Франция, где шло сражение за Париж, и “галицийские кровавые поля”, где русская армия сражалась с австрийцами за Львов и Перемышль. Но узел всего противостояния и всей военной интриги 1914 года обозначился в Восточной Пруссии, где шло успешное наступление русской 1-й армии генерала Ренненкампа на Кёнигсберг – основной плацдарм Германии на востоке.

Тут необходимо прервать рассказ о событиях на фронте и обратиться к внутренним российским делам. В самом начале я уже писал, что война с Германией русскому народу была не нужна, что, как мы знаем, она привела к катастрофическим последствиям для всей России, но это всё будет позднее, а начало августа 1914 года в России было шумным и волнующим. Робкие голоса против войны, в частности, выступление фракции депутатов-большевиков в Государственной Думе против военных кредитов царскому правительству, воспринимались обществом как предательство. Объявление войны в Петербурге сопровождалось патриотическими манифестациями и беспорядками. “Уличные горлопаны”, как вспоминал генерал-квартирмейстер русской Ставки Ю. Н. Данилов, громили немецкое посольство, “валили с крылец его огромных металлических коней с их поводьями, исполненными тевтонами, давно, впрочем, резавшим своим безвкусием глаза столичных жителей”. Громили и разрушали также немецкие магазины и все заведения, на которых кра-

совались немецкие фамилии, а таковых в Петербурге было немало, ведь с самого основания этого города немцы, приглашённые ещё Петром I, а потом Екатериной II, жили в столице России во множестве, занимались торговлей и ремеслом, служили в российской императорской армии и особенно во флоте, поэтому совсем не удивительно, что на столицу Восточной Пруссии наступал русский генерал фон Ренненкампф Павел Карлович, а российским Балтийским флотом командовал русский адмирал фон Эссен Николай Оттович.

На волне патриотических манифестаций в Зимний дворец из Петергофа прибыла императорская фамилия. Как свидетельствует мемуарист Михаил Лемке: “При прохождении царя к Иорданскому подъезду густые толпы народа стали на колени, кричали “Ура!” и пели “Боже царя храни”. То здесь, то там слышны возгласы: “Долой Германию! Да здравствует Франция! Да здравствует Россия!” Сохранилась фотография этой манифестации на Дворцовой площади с многочисленными хоругвями, знамёнами, иконами... Кто мог тогда знать, что пройдёт всего лишь два с половиной года, и в феврале 1917 такие же толпы жителей столицы будут бросаться на солдат гарнизона, на полицейских, на жандармов с криками: “Долой царя! Долой войну! Мир без аннексий и контрибуций!..”

Совершенно очевидно, что шовинистические настроения никак нельзя сравнивать с патриотизмом. Это разные вещи. Шовинизм унижает людей другой нации, другой культуры, он нуждается в погромах, а патриотизм – это здоровое чувство, и лучше всего это чувство было выражено в августе 1914 года адмиралом Эссенем в приказе по флоту: “Поздравляю Балтийский флот с великим днем, для которого мы живём, которого ждали и к которому готовились... Офицеры и команда! С этого дня каждый из нас должен забыть все свои личные дела и сосредоточить все свои помыслы и волю на одной цели: защищать Родину от посягательств врага и вступать в бой с ним без колебаний, думая только о нанесении врагу самых тяжёлых ударов, какие только для нас возможны. Война решается боем. Пусть каждый из вас напряжёт все свои силы, духовные и телесные, приложит все свои знания, опыт и умения в день боя, чтобы все наши снаряды и мины внесли бы гибель и разрушение в неприятельские боевые строй и корабли”.

Уже начало военных действий ознаменовалось резким сломом всех планов нашего верховного командования. Основные силы наших войск разворачивались в Галиции против Австро-Венгрии. Но необходимость выступить против Германии (а необходимость эта определялась непрерывными требованиями Франции) заставляла русское военное руководство во главе с великим князем Николаем Николаевичем Романовым (дядей царя Николая II) выставить значительную часть сил против Германии, в направлении на Восточную Пруссию.

На Восточную Пруссию наступали две лучшие русские армии: 1-я – под командованием Ренненкампфа и 2-я – под командованием генерала Самсонова. Командовал Северо-Западным фронтом генерал Жулинский. Это были проверенные боевые генералы. В середине августа русские войска перешли границу Восточной Пруссии, и 1-я армия фон Ренненкампфа устремилась на Кёнигсберг. Ей противостояла сравнительно малочисленная 8-я армия немецкого генерала фон Притвица. В сражении у городов Гольдап и Гумбиннен армия Притвица была наголову разбита русскими войсками. Казалось, путь на Кёнигсберг был открыт. Генерал Притвиц слал в Берлин панические телеграммы и добивался разрешения отвести оставшиеся войска за Вислу, то есть фактически сдать всю Восточную Пруссию русским. В это время основные силы германских войск (6 армий) рвались в Париж. Они уже разбили основные силы французских войск в приграничном сражении, и до Парижа им оставалось несколько десятков километров. Правительство Французской республики во главе с воинственным Пуанкаре бросило Париж на произвол судьбы и бежало в Бордо. Однако главнокомандующему вооружёнными силами Франции генералу Жоффри удалось овладеть ситуацией и перебросить на линию огня две новые армии. Помогли союзники англичане, направив во Францию 70-тысячный экспедиционный корпус. Под Парижем в тяжёлые дни конца августа – начала сентября 1914 года сложился зыбкий баланс сил, когда численно наступавшие германцы и оборонявшиеся французы и англичане были примерно равны. Тут было достаточно 2-3 корпуса германской армии, чтобы добиться решающего успеха и взять Париж, но... эти-то корпуса германское командование вынуждено было снять с фронта и перебросить на вос-

ток против русских – спасти Кёнигсберг. Это, в конечном итоге, и решило исход “битвы на Марне”, буквально в 30 километрах от Парижа.

И вот тут есть некая странность. Русское командование предпринимало этот поход на Восточную Пруссию, подчиняясь категорическим требованиям союзников, с совершенно определённой целью: отвлечь силы немцев на восток и притормозить наступление во Франции. То есть они должны были вызвать огонь на себя. Этой цели добиться удалось. Вслед за 1-й армией Ренненкампа на Восточную Пруссию с юга, пробиваясь через непроходимые мазурские болота, начала наступать 2-я армия генерала Самсонова, бывшего атамана Войска Донского. Она сразу попала в крайне невыгодную ситуацию. Мало того, что армия эта была недавно сформированная из необстрелянных призывников, она ещё и плохо снабжалась, и во главе корпусов этой армии стояли явно не боевые генералы. Так, генерал Благочестенский, командующий 6-м корпусом, при первых атаках германцев бросил свой корпус и бежал в тыл, заявив, что он “не привык быть с войсками”! Да, с такой фамилией ему, конечно, лучше было стать не генералом, а священником! А генерал Артамонов, напротив, был слишком боевым и, бросив командование своим корпусом, сам лично с винтовкой наперевес ходил в штыковые атаки. Только вот корпус его остался без управления и был рассеян противником. Однако странность заключается в том, почему высшее русское командование, посылая армию Самсонова фактически на гибель, не учло, что план по отвлечению сил немцев с запада удался. Германцы перебросили из Франции в Восточную Пруссию 16 полнокровных дивизий, генерал Гинденбург (признанный потом лучшим германским полководцем Первой мировой) сформировал мощную наступательную группировку и сумел завлечь армию Самсонова в ловушку, окружив наши войска в непроходимых болотах. Армия же Ренненкампа после блестящей победы при Гольдапе и Гумбиненне остановила своё наступление на Кёнигсберг и не пришла на помощь погибающим войскам Самсонова. Как писал германский генерал Людендорф в своих мемуарах: “Огромная армия Ренненкампа висела, как грозная туча, на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты”. Не двинулась армия Ренненкампа, не пришла на помощь Самсонову. Прославленный боевой генерал Самонов, видя гибель и окружение своих войск, застрелился...

Ренненкампа обвиняли в предательстве, но всё это в целом можно объяснить только крайней путаницей в управлении войсками со стороны Ставки Верховного главнокомандования великого князя Николая Николаевича, недооценки противника, подчинения всех оперативных планов ведения войны категорическим требованиям союзников вопреки сложившейся обстановке. Как писал историк А. Зайончковский: “Первый период кампании 1914 г <ода> на Восточном театре прошёл со стороны русских под знаком желания **выполнить во что бы то ни стало все обязательства перед французами** (выделено мной. – С. З.) и оттянуть на себя германские силы, совершенно не сообразуясь со степенью готовности своей армии”. Лучше не объяснять причину войны, да, пожалуй, и причину конечного поражения России в ней. Не ради интересов России велась эта война, не ради интересов её народа, а ради спасения западных стран Европы (Франции, Англии) от диктата центральных стран (Германии, Австро-Венгрии), но то, что Россия вмешалась в этот совершенно чуждый ей конфликт, стало для неё и для всего народа величайшим бедствием. И, однако, Россия свято соблюдала свои союзнические обязательства до тех пор, пока силы её не иссякли.

Поражение российских войск в самом начале войны в Восточной Пруссии как бы предопределило и весь дальнейший характер войны на Восточном фронте. Русские войска в дальнейшем добивались больших успехов, особенно в противостоянии с Австро-Венгрией: к концу 1914 года очищена вся Галиция и Прикарпатье. Но пробиться сквозь Карпатские горы в Венгрию им не удалось. Русская армия была плохо вооружена и снабжена продуктами и вещевым довольствием. Причина здесь была в том, что, начиная эту войну, российский генеральный штаб планировал закончить её в шесть месяцев, то есть до конца 1914 года. Соответственно и база снабжения русских войск была рассчитана на полгода войны. И в следующем, 1915 году русские армии в Карпатах попали в очень тяжёлую ситуацию. Не было снарядов, не хватало даже винтовок, не было тяжёлой артиллерии, не было сапог... Прежние запасы иссякли, а промышленность всё никак не могла раскататься и начать давать всё необходимое для фронта. В этом состоит существенное отличие от положения дел в ходе Второй мировой войны, когда Красная армия, потер-

пев тяжёлое поражение летом и осенью 1941 года от наступающих фашистских войск, к концу года переломила ситуацию, а советская оборонная промышленность, массово эвакуированная на восток, начала уже в 1942 году наращивать производство всего необходимого для фронта. Мы помним бессмертный лозунг времён Великой Отечественной: “Всё для фронта, всё для Победы!” Такого лозунга в 1914-м, 1915-м, 1916-м годах в России не было... Первая мировая война так и не стала народной – “Второй Отечественной”, как поначалу говорили о ней, памятуя об Отечественной войне с Наполеоном 1812 года.

Катастрофа 1915 года, когда переброшенные для помощи австрийцам на восточный фронт германские войска прорвали русские позиции в Карпатах (Горлицкий прорыв мая 1915 года), не привела к поражению России и заключению сепаратного мира, чего боялись западные державы, но потеря Польши, Литвы, всех завоёванных в тяжёлой борьбе земель Галиции и Прикарпатья, безнадёжность попыток переломить ситуацию в свою пользу и, как результат, – долгая, нудная, изматывающая силы и средства позиционная война – все эти обстоятельства подорвали дух русской армии, а в российском обществе поселили настроения уныния и разочарования. Даже знаменитый “брусиловский прорыв” 1916 года, когда русские войска потеснили германцев на сотню километров на Западной Украине, не привёл к перелому в ходе войны. Попытки вслед за Юго-Западным фронтом, которым командовал Брусилов, перейти в наступление и другим фронтам провалились. И это тем более странно, что как раз к этому времени русская армия достигла своей самой большой численности – 11 миллионов человек! Но эти миллионы русских мужиков, одетых в серые солдатские шинели, толком не знали, за что воюют, потому случаи отказа повиноваться своим командирам, идти в бой и даже попытки “братания” с германскими солдатами стали массово отмечаться на фронте уже с осени 1916 года.

Сейчас модно рассуждать о том, что к началу 1917 года силы Германии и её союзников были истощены, и стоило бы России “продержаться” ещё чуть-чуть, глядишь, победа сама бы свалилась в руки, и тогда Россия при дележе добычи получила бы от поверженного врага свою долю “аннексий и контрибуций”. Но эти рассуждения смешны. Потому Россия и взорвалась изнутри первой в цепи воюющих держав, что оказалась слабейшей среди них. Цепь всегда рвётся в своём слабейшем звене. Это показали события января 1917 года, когда попытка организовать наступление на фронте под Ригой (Митавская операция) закончилась неудачей не вследствие силы противника, а вследствие полной дезорганизации работы нашего командования, отсутствию порядка в войсках и самое главное – массового отказа солдат идти в бой. Так, прямо в ходе боёв взбунтовался 17-й стрелковый полк 2-го Сибирского корпуса, выдвигая политические требования мира и конституционного правления с “ответственным министерством”! То есть, по сути, с теми требованиями, что выдвигали царю оппозиционные депутаты Государственной Думы. И эти требования знали и поддерживали в январе 1917 года уже простые солдаты! Да, действительно, “революционная зараза” проникла в войска, и остановить её не удавалось, несмотря даже на введение смертной казни на фронте за отказ идти в бой.

Россия стояла перед неизбежной революцией. Но разве это судьба только России? Разве не погибла в огне революции (путь несколько позже – в ноябре 1918 года) и Германская империя, и Австро-Венгерская монархия, и Османская империя. Четыре империи прекратили своё существование к концу Первой мировой войны! Разве это случайно? А разве случайно потом на развалинах Германской империи, на волне реваншизма, усиленного протестом против тяжёлых контрибуций, что наложили на германский народ западные победители, пыльным цветом расцвёл нацизм?... И как Первая мировая война была порождена нерешёнными конфликтами предыдущих европейских войн XIX века, так и Вторая мировая война была порождена последствиями раздела Европы после окончания Первой мировой. Пример Советской России, что первой среди воюющих держав в октябре 1917 года провозгласила “Декрет о мире”, не образумил никого. Ленинское правительство за то, что оно не “закончило войну”, сейчас не кланёт только ленивый! А ведь это был прорыв в будущее, прорыв к совести, к разуму всего человечества, к сожалению, не услышанный тогда правительствами воюющих стран, озабоченных только дележом “куруров”, заработанных на крови гибнущих народов.

Грозный век мировых войн начался в августе 1914 года и продолжается в разных формах (региональные войны, межнациональные конфликты, гонка вооружений) и по сей день, и ему не видно конца.